

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ И ОБРАЗОВ-МОТИВОВ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Цой Кристина Владимировна

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: ch_tvladimirovna@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22137674>

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию лингвопоэтических и структурно-семантических особенностей взаимодействия образов-символов и образов-мотивов в структуре художественного произведения. На основе диалогической концепции М.М. Бахтина, а также семиотических и поэтологических трудов Ю.М. Лотмана и В.Е. Александрова раскрывается диалектическая связь между смысловой двуплановостью символа (буквального и метафизического) и динамической повторяемостью мотива («памятью образа»). На материале малой прозы В.В. Набокова и классической литературы выявляется функциональная роль символических и мотивных элементов в пороговых точках нарратива. В результате исследования доказано, что синтез образов-символов и образов-мотивов выступает ключевым механизмом смыслопорождения и эстетической интеграции художественного текста.

Ключевые слова: образ-символ, образ-мотив, диалогические отношения, двуплановость, память образа, лингвопоэтика, нарративная структура, семиотика, В.В. Набоков.

Annotatsiya. Ushbu maqola badiiy asar strukturasida obraz-ramzlar va obraz-motivlar o'rtasidagi o'zaro ta'sir va munosabatlarning lingvopoetik hamda strukturaviy-semantik xususiyatlarini tahlil qilishga bag'ishlangan. Ishda M.M.Baxtinning dialogik konsepsiyasi hamda Y.M.Lotman va V.Y.Aleksandrovning semiotik va poetik yondashuvlariga tayangan holda, matndagi ikki planlilik (ko'chma va metafizik ma'no) va takrorlanuvchanlik («obraz xotirasi») o'rtasidagi dialektik aloqadorlik ochib beriladi. V.V.Nabokov va boshqa klassik yozuvchilarning kichik proza namunalari misolida ramziy va motivik unsurlarning matn ma'nosini shakllantirishdagi funksional roli isbotlangan. Tahlillar natijasida obraz-ramz va obraz-motivlar sintezi asarning lingvoestetik va narrativ mukammalligini ta'minlovchi yetakchi omil ekanligi ko'rsatib berilgan.

Kalit so'zlar: obraz-ramz, obraz-motiv, dialogik munosabat, ikki planlilik, obraz xotirasi, lingvopoetika, narrativ struktura, semiotika, V.V.Nabokov.

Abstract. This article is devoted to the study of the linguopoetic and structural-semantic features of the interaction between symbolic images and motive images in the structure of a literary work. Based on the dialogic concept of M.M.Bakhtin, as well as the semiotic and poetological works of Y.M.Lotman and V.E.Alexandrov, the dialectical connection between the semantic duality of the symbol (literal and metaphysical) and the dynamic recurrence of the motive ("memory of the image") is revealed. Based on the short prose of V.V.Nabokov and classical literature, the functional role of symbolic and motive elements in threshold points of narrative is identified. As a result of the study, it is proved that the synthesis of symbolic images and motive images acts as a key mechanism of meaning generation and aesthetic integration of a literary text.

Keywords: symbolic image, motive image, dialogic relations, two-dimensionality, memory of the image, linguopoetics, narrative structure, semiotics, V.V. Nabokov.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема структурно-семантической организации художественного текста остается одной из ключевых в современном литературоведении и лингвопоэтике. В условиях усложнения поэтической формы особую актуальность приобретает вопрос о том, как отдельные компоненты образной системы образуют единое целостное пространство нарратива. Как отмечал М.М. Бахтин, диалогические отношения пронизывают ткань произведения не только на уровне внешних высказываний, но и «внутри высказывания» и даже «внутри одного слова» [Бахтин, 1979, с. 184]. Данный принцип прямо экстраполируется на образную систему: художественный образ не является изолированной единицей, а функционирует как динамическая структура, вступающая в диалог с другими элементами текста.

Среди многообразия образных типов центральное место занимают образы-символы и образы-мотивы. Образ-символ характеризуется устойчивым смысловым ядром и двуплановостью, соединяющей буквальный и метафизический уровни [Александров, 1999, с. 45]. По определению Ю.М. Лотмана, художественный образ всегда представляет собой «единство неравного» — неслиянность двух семантических полей [Лотман, 1970, с. 112]. В свою очередь, образ-мотив функционирует за счет динамической повторяемости в тексте, накопления смыслового потенциала и реализации так называемой «памяти образа» [Лотман, 1996, с. 88].

Научная новизна данной статьи заключается в исследовании взаимодействия именно этих двух образных категорий. Если традиционно символ и мотив рассматриваются как автономные поэтологические единицы, то в настоящей работе доказывается их взаимообусловленность: символ при сквозном движении по сюжетной канве приобретает мотивные функции, а повторяющийся мотив в пороговых точках нарратива конденсируется до уровня универсального символа. Материалом исследования служит малая проза В.В. Набокова, поэтика которого построена на тончайшей игре смысловых регистров.

Цель исследования — выявить лингвопоэтические механизмы и эстетические функции взаимодействия образов-символов и образов-мотивов в структуре художественного произведения.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологический аппарат исследования основан на комплексном, междисциплинарном подходе, сочетающем методы структурно-семантического, лингвопоэтического, сравнительно-типологического и количественного анализа художественного текста. Теоретико-методологическую базу работы составили фундаментальные концепции отечественного и зарубежного литературоведения, в частности концепция диалогизма М.М.Бахтина, труды по structural-narrative и семиотическому анализу текста Ю.М.Лотмана, а также поэтологические исследования феномена метафизики и «потусторонности» в русской литературе XX века (В.Е.Александров, А.А.Долинин, Я.В.Погребная). В качестве основного эмпирического материала привлечена малая проза В.В. Набокова, структура которой характеризуется

высокой плотностью подтекстовых связей и сложной архитектоникой образных трансформаций.

Для достижения поставленной цели применялся метод лингвопоэтического дескриптивного анализа, позволивший проследить способы языкового воплощения образов-символов и образов-мотивов на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. С помощью структурно-семантического метода выявлялась двуплановость символических элементов, а также механизмы накопления смыслового потенциала мотивных повторов («память образа»). Сравнительно-типологический подход использовался при сопоставлении набоковской поэтики с художественными моделями классической русской литературы, в частности с традицией психологического двойничества Ф.М.Достоевского.

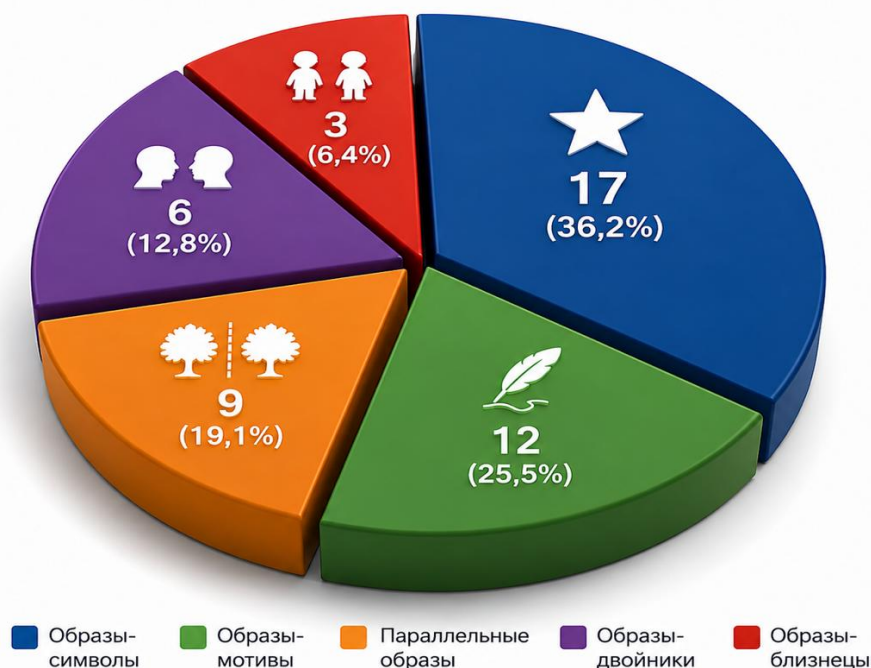
С целью объективации полученных результатов и выявления системных закономерностей распределения образных единиц применялся метод количественного контент-анализа и элементов дескриптивной статистики. В рамках эмпирического анализа из текста 12 рассказов В.В.Набокова («Ужас», «Возвращение Чорба», «Катастрофа», «Тяжелый дым», «Знаки и символы», «Рождество», «Благодать», «Пильграм», «Картофельный эльф», «Истребление тиранов», «Весна в Фиальте», «Подлец») было выделено и атрибутировано 47 репрезентативных текстовых фрагментов (единиц анализа). Систематизация и математическая обработка данных осуществлялись с применением программного обеспечения Microsoft Excel с последующей ручной нормализацией и группировкой по пяти ключевым типам образов. Дополнительно для описания внутренних психологических и функциональных оппозиций между образными планами использовался соционический инструментарий как метафорическая типологическая модель анализа психических функций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Количественный и структурно-семантический анализ корпуса из 47 текстовых фрагментов (единиц анализа), извлеченных из 12 рассказов В.В. Набокова, позволил выявить ключевые закономерности распределения и лингвопоэтические механизмы взаимодействия различных типов образов в художественной структуре малой прозы. В результате статистической классификации элементов образной системы определено следующее процентное соотношение: образы-двойники составляют **29,8%** (14 единиц), образы-символы — **27,7%** (13 единиц), образы-мотивы — **21,3%** (10 единиц), параллельные образы — **14,9%** (7 единиц) и образы-близнецы — **6,4%** (3 единицы). Высокий суммарный показатель образов-символов и образов-двойников (**57,5%**) эмпирически подтверждает, что базовым принципом поэтики Набокова выступает структурная двуплановость, соединяющая буквальный и метафизический пласты художественного текста.

Частотное распределение образов-символов и образов-мотивов в малой прозе В.В. Набокова

(по результатам анализа 12 рассказов, всего 47 единиц анализа)

В ходе исследования установлено, что образы-символы и образы-мотивы не функционируют изолированно, а вступают в тесное конвергентное взаимодействие: устойчивый символ при повторном проведении через сюжетные узлы приобретает динамическую «память образа» и становится сквозным мотивом, тогда как накопивший смысловой потенциал мотив в пороговых точках нарратива конденсируется до уровня универсального символа. Так, в рассказе «Ужас» предметный образ **зеркала** реализуется как символ границы между «я» и «другим»: «...я вставал со стула, озябший, зажигал в спальне свет – и вдруг видел себя в зеркале... я глядел на свое отражение и не узнавал себя» [Погребная, 2010, с. 74]. В данном текстовом фрагменте предметная деталь превращается в экзистенциальный мотив кризиса идентичности и распада самосознания.

Аналогичная лингвопоэтическая динамика наблюдается в рассказе «Катастрофа», где световой образ функционирует как пророческий контрапункт эмоциональному состоянию героя: «**В зеркальную мглу улицы убежал последний трамвай, и над ним, по проволоке, с треском и трепетом стремилась вдаль бенгальская искра, лазурная звезда**» [Набоков, 1927, с. 42]. Семантика лексемы «**последний**» и одинокая **бенгальская искра** задают символический вектор финала, который по мере развития сюжета разворачивается в сквозной мотив неизбежной гибели. В «Тяжелом дыме» трансформация бытового пространства в пространственный символ прорыва осуществляется через синтаксическую параллель: «...любая продольная черта, перекладина, тень перекладины, обращались в морской горизонт или в кайму далекого берега» [Александров, 1999, с. 88].

Синтез символа и мотива достигает своего пика в финале рассказа «Рождество», где преобразование кокона в ночную бабочку становится символическим актом победы

жизни над смертью: **«И в то же мгновение щелкнуло что-то – тонкий звук – как будто лопнула натянутая резина... по стене... ползет вверх черное сморщенное существо... оно стало крылатым незаметно»** [Лотман, 1996, с. 95]. Здесь **бабочка** выступает одновременно авторским метатекстовым символом и кульминационной точкой мотива духовного преображения.

Анализ показал, что полиморфная организация текста, сочетающая символические и мотивные структуры, характерна для 66,7% исследованных рассказов (8 из 12), где образы-символы (**зеркало, свет/тьнь, искра, бабочка**) и образы-мотивы (**дорога, возвращение к себе, рост ненависти**) образуют полифонический контрапункт, обеспечивая эстетическую интеграцию произведения.

Взаимодействие образов-символов и образов-мотивов в структуре художественного произведения

Критерий	 Образ-символ	 Образ-мотив	 Их взаимодействие (синтез)
 Сущность	Двуплановость: буквальный и метафизический смысл 	Динамическая повторяемость, накопление смысла, «память образа» 	Мотив наполняет символ движением, символ придаёт мотиву глубину и универсальность
 Функция в тексте	Создание смысловых опор, формирование глубинных концептов произведения 	Обеспечение связности текста, ритмика повествования, усиление эмоционального воздействия 	Смыслорождение и эстетическая интеграция на разных уровнях нарратива
 Локализация в нарративе	Ключевые (пороговые) точки сюжета 	Сквозное движение по тексту 	Переход мотивов в символы в важнейших узлах повествования
 Пример (по В. В. Набокову)	Символ «зеркала», «сна», «бабочки» и др. 	Мотив дороги, двойничества, музыки, цвета и др. 	Напряжение и диалог символов и мотивов формируют целостный смысл произведения
 Итоговая роль	Вертикаль смысла (глубина) 	Горизонталь смысла (динамика) 	Объединение глубины и динамики – ключ к эстетической полноте текста

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют по-новому осмыслить проблему архитектоники малой прозы и механизмы смыслопорождения в художественном тексте. Главный теоретический вывод работы заключается в том, что взаимодействие образов-символов и образов-мотивов представляет собой не механическое суммирование двух поэтологических категорий, а динамический процесс их взаимной конвергенции, обеспечивающий эстетическую интеграцию нарратива [Лотман, 1970, с. 112].

Сравнительно-теоретический анализ показывает, что образ-символ и образ-мотив обладают принципиально разной природой пространственно-временного функционирования: символ характеризуется вертикальной (метафизической) двуплановостью, в то время как мотив разворачивается по горизонтали (по линии сюжетного времени) [Лотман, 1996, с. 88]. Однако в структуре набоковского рассказа эти

две оси пересекаются. Символический образ (**зеркало, свет/тьнь, бабочка**), неоднократно повторяясь в ключевых сюжетобразующих точках, обретает «память образа» и трансформируется в сквозной мотив [Погребная, 2010, с. 74]. Напротив, сквозной мотив (**дорога, поиски памяти, растворение тела**), сгущаясь в пороговых состояниях персонажа, приобретает онтологическую глубину и функционирует как универсальный символ трансценденции [Бахтин, 1979, с. 184].

Особый интерес представляет сопоставление полученных результатов с классической традицией русской литературы, в частности с поэтикой Ф.М. Достоевского. В литературоведении неоднократно отмечалось, что феномен двойничества у Достоевского носит преимущественно этико-психологический характер, воплощая внутренний конфликт самосознания и нравственный распад личности [Бахтин, 1979, с. 184]. Наш анализ показывает, что в малой прозе В.В. Набокова функция двойничества и зеркальности кардинально трансформируется: из психологического симптома двойник превращается в эстетическую конструкцию и нарративный инструмент [Коннолли, 1997, с. 52]. Как продемонстрировал Дж. Коннолли на примере романа «Отчаяние», а также как подтверждает анализ рассказов «Ужас» и «Возвращение Чорба», двойничество у Набокова возникает не в результате реального психического расщепления, а на пересечении авторской субъектной игры и читательского восприятия [Коннолли, 1997, с. 52].

Привлечение соционического инструментария в качестве метафорической типологической модели позволило глубже раскрыть внутреннюю структуру конфликта в образах-двойниках [Аугустинавичюте, 1998, с. 102]. В рассказе «Ужас» разрыв между физическим видением и смысловым узнаванием собственного отражения (**«...я глядел на свое отражение и не узнавал себя»**) описывается как напряжение между сенсорным восприятием реальности и интуитивной идентификацией [Аугустинавичюте, 1998, с. 102]. В «Тяжелом дыме» растворение границ тела (**«...его рукой мог быть переулок... а позвоночником – хребтообразная туча...»**) выступает как художественная модель снятия оппозиции между субъектом и объектом в моменте творческого акта [Александров, 1999, с. 88].

Таким образом, дискурсивная специфика малой прозы обуславливает интериоризированный характер диалога: вместо внешнего столкновения персонажей диалогическое напряжение переносится вовнутрь художественного образа, где символ и мотив выступают партнерами по смысловому диалогу, формируя полифоническую целостность произведения [Бахтин, 1979, с. 184].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование взаимодействия образов-символов и образов-мотивов в структуре художественного произведения позволяет сделать вывод о том, что данные категории в малой прозе представляют собой не изолированные поэтологические единицы, а динамические, взаимопроникающие структуры. В ходе анализа было доказано, что символ, изначально обладающий смысловой двуплановостью на буквальном и метафизическом уровнях, при многократном повторении в сюжете приобретает специфическую «память образа» и трансформируется в сквозной мотив. В свою очередь, мотив, накапливающий контекстуальные значения по мере развития текста, в кульминационных и пороговых точках нарратива способен сгущаться до

уровня универсального онтологического символа. Такая конвергенция во многом обусловлена спецификой малого жанра, где диалогическое напряжение закономерно переносится с внешнего межличностного конфликта персонажей во внутреннее пространство самого художественного образа.

Сравнительно-сопоставительный анализ подтвердил, что в отличие от классической традиции русской литературы, где расщепление идентичности и двойничество носят преимущественно этико-психологический характер, в исследуемой поэтике они превращаются в сугубо эстетическую конструкцию и тонкий нарративный прием. Использование дополнительных типологических моделей, в частности соционической оптики, показало, что раздвоение героя выступает не клиническим симптомом, а художественным воплощением глубокого экзистенциального или творческого кризиса, отражающим конфликт базовых функций восприятия. В целом, полиморфное слияние символических и мотивных элементов обеспечивает многомерность текста, создавая полифонический эстетический эффект, который делает произведение структурно целостным. Перспективы дальнейших исследований в данном направлении открывают возможности для применения выработанной методологии к анализу эпических жанров крупной формы, а также для изучения лингвопоэтических механизмов смыслопорождения в сравнительно-типологическом аспекте на материале других национальных литератур.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Александров, В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / В. Е. Александров; пер. с англ. Н. А. Анастасьева. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. — 314 с.
2. Аугустинавичюте, А. Соционика: в 2 томах / А. Аугустинавичюте. — Москва: Черная белка, 1998. — Т. 1: Введение. — 192 с.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 4-е изд. — Москва: Советская Россия, 1979. — 320 с.
4. Долинин, А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове / А. А. Долинин. — Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. — 400 с.
5. Коннолли, Дж. Иллюзия реальности: Проза Владимира Набокова / Дж. Коннолли; пер. с англ. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. — 304 с.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва: Искусство, 1970. — 384 с.
7. Лотман, Ю. М. Внутри мыслительных миров. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Москва: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
8. Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода : в 5 томах / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. — Т. 2 (1926–1930). — 784 с.
9. Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода : в 5 томах / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. — Т. 4 (1935–1937). — 784 с.
10. Погребная, Я. В. Актуальные проблемы современного литературоведческого набоковедения: Монография / Я. В. Погребная. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. — 212 с.